

УДК 811.161.1/81 373.614

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-63-68

Г.-Р.А.-К. Гусейнов¹, А.Л. Мугумова²

Об ориентализме (культурологический аспект) и ориентальной лексике (дихотомия язык/речь) в поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова

¹ Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; garin48@mail.ru;

² Дагестанский государственный педагогический университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

Анализируемый материал рассматривается как в культурологическом аспекте в рамках понятия ориентализм, так и в собственно языковом смысле – по отношению к дихотомии язык/речь. Восточная лексика поэтических произведений М.Ю. Лермонтова наряду с творчеством А.С. Пушкина, также связанным с ориентальной тематикой, является составной частью русского ориентализма первой половины XX века. С точки зрения дихотомии язык/речь, на собственно языковом уровне ориентализмы произведений М.Ю. Лермонтова представлены в совокупном отношении в гораздо большем числе, чем это имеет место у А.С. Пушкина. В пределах же речевого уровня выявлены лишь несколько частичных вкраплений: *чингур/чингура* – название музыкального инструмента из грузинского (поэма «Демон»), из турецкого или татарского языков араб. *фарис* – название породистого коня (стих. «Три пальмы»), из кумыкского языка – *капгар*, «молодой» *туксус* – (стих. «Лилейной рукой поправляя...»). Установлен также варваризм *муэцин* «человек, провозглашающий призыв на молитву», усвоенный через немецкий из турецкого, в который он попал из арабского (поэма «Демон»).

Ключевые слова: *ориентализм, ориентальная лексика, дихотомия язык/речь, поэзия М.Ю. Лермонтова.*

Постановка проблемы.

Об ориентализме. Культурологический аспект

Под ориентализмом (от лат. *orientalis* – «восточный») традиционно понимается направление в развитии западноевропейской культуры Нового времени (XVIII – начало XX в.), связанное с дихотомией, или диалогом культур Запада и Востока. При этом наряду с западноевропейской наличие восточных мотивов отмечается и в русской поэзии от В.А. Жуковского и М.Ю. Лермонтова (поэмы «Черкесы», «Кавказский пленник» (обе 1828), «Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастунджи» (1833–1834), «Хаджи Абрек» (1835), «Демон» (1829–1839), «турецкая» сказка «Ашик-Кериб» (1837) и др.) – до Н.С. Гумилева [11].

С культурологической проблематикой данной работы связано исследование П.В. Алексеева, предмет которого ограничивается первой половиной XIX в. [1]: в этот период (до 1841 г.) развивалось творчество не только А.С. Пушкина, но и М.Ю. Лермонтова. По его мнению, еще А.С. Пушкин «задал в южных» поэмах, к каковым относятся „Бахчисарайский фонтан“ (1821–1823) и „Кавказский пленник“ (1820–1821), а также в „Подражаниях Корану“ (1824) и стихотворении „Пророк“ (1826–1828), ключевые темы и жанры русского ориентализма...» [1, с. 311].

Иная сторона рассматриваемой проблемы отразилась в исследовании А.И. Рейтблата [12, с. 399], полагающего, что русские ученые, с одной стороны, «осознавали себя западными людьми, с другой – не могли не знать, что для Запада Россия является Востоком». Еще большему промежутку времени, от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции, посвящено исследование Схиммельпэннинка ван дер Ойе Д. [13] противоположной направленности – Азии в российском сознании. Об актуальности соответствующей проблематики в российской ориенталистике говорит еще одно обзорное исследование К.Ю. Ерусалимского [6].

Результаты исследования

Помимо охарактеризованного в предшествующем изложении культурологического аспекта данного исследования, который еще не становился предметом специального рассмотрения на материале произведений М.Ю. Лермонтова, цель данной работы – историко-этимологический (диахронный) анализ отражения ориентальных лексических элементов поэтических произведений М.Ю. Лермонтова ориентальной (см. в предшествующем изложении) тематики на основе дихотомии язык/речь. Задач исследования – их рассмотрение на каждом из вышеупомянутых уровней с учетом истории вопроса.

Языковой уровень

Исследуемый вопрос не изучен в достаточной степени, несмотря на то, что была обнародована совместная работа авторов данной статьи по той же проблематике, связанной с закреплением в русском литературном языке ориентализмов, впервые употребленных А.С. Пушкиным [4], а также исследование одного из авторов данной работы в более обширных хронологических рамках и с несколько иными задачами осуществленного при этом анализа [2]. Сюда же следует отнести аналогичный анализ, осуществленный обоими авторами данной статьи и посвященный критическому рассмотрению приложения [5] к докторской диссертации Ф.И. Джабаевой «Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе – А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой», изданной в качестве монографии [7].

Обращаясь к собственно языковому аспекту данной работы, следует отметить, что предметом рассмотрения являются те из ориентализмов, которые, получив отражение в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, усвоены русским литературным языком, получив отражение в академических толковых словарях. Речь в последнем отношении идет о следующих языковых фактах: кумыкское *узденъ* в «Кавказском пленнике», которое лишь затем получило отражение в «Черкесах» (1828) М.Ю. Лермонтова; турецкие *делибаш* в одноименном стихотворении А.С. Пушкина (1829) и *аллах* («Подражания Корану» (1824)). При этом, как уже отмечалось, их число у А.С. Пушкина оказывается в совокупном отношении значительно меньшим, чем это имело место у М.Ю. Лермонтова, и говорит о большем вкладе последнего в историю рассматриваемого вопроса к ним относятся: кум. *Тулук* – средство для переправы через бурное течение («Кавказский пленник», 1828); азерб.-перс. *сааз* – музыкальный инструмент («Ашик-Кериб», 1837); перс.-кум.-ног. *зурна* – духовой музыкальный инструмент («Демон», 1828–1838); араб.-кум. *мюрид* – последователь мюридизма («Валерик», 1840), кум. *нанах* – головной убор («Демон», 1828–1838) [3, с. 19–23].

Речевой уровень

Другой частью объекта данной работы, также указывающей на ее научную новизну, являются лексические формы. Эти формы (в конечном счете стилистическая категория того или иного текста, в котором они получили отражение) в рассматриваемых поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова находятся за пределами системы не только литературного, но и всего русского языка и относятся тем самым к фактам речи. Ими являются вкрапления и варваризмы.

1. Вкрапления

К вкраплениям относятся лексические заимствования, переданные русской или оригинальной графикой, имеющие различную степень освоенности, но не отразившиеся в толковых словарях и не вошедшие в языковую систему русского языка. При их использовании «отдается предпочтение однословным (частичным) выражениям исконному многословию языка-преемника в устной речи». Они также «выступают в качестве показателя степени владения иностранным языком» [8, с. 3; 13].

1.1. Вкрапления из картвельских языков относятся, как и прочие, рассмотренные в последующем изложении, к частичным, или однословным. Они встречаются в различных редакциях поэмы «Демон» (1829–1839). Ср.:

И вот среди общего молчанья
Чингура [м. р.] стройное бряцанье
И звуки песни раздались... [9, т. 2, с. 379].
И вот среди общего молчанья
Чингуры [ж. р.] стройное бряцанье
И звуки песни раздались [9, т. 2, с. 369].

В обоих случаях слово *чингур/чингура* сопровождается лермонтовским комментарием «род гитары» при том, что форма женского рода встречается во втором варианте шестой редакции. В дальнейшем данное слово используется Я.П. Полонским в грузинской форме *чингури* в стихотворении «Грузинская ночь» (1841), также «старою *чингури*» (ж. р.) в стихотворении «Старый сазандар» (1853), *чунгури* – в прозе (1851) [3, с. 28–29].

Слово отсутствует в толковых и этимологических словарях русского языка и возводилось еще Т.Н. Шадури [16, с. 12, 14] к груз. *čonguri* – четырехструнный музикальный инструмент, с древнейшей поры известный в Грузии.

1.2. Из турецкого или татарского языка

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам *фариса* вились в беспорядке...
Три пальмы (1839) [9, т. 2, с. 369].

Отсутствует в словарях русского языка и лишь в этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что *фарис* («породистый конь, скакун») известен еще древнерусскому языку в XII–XIII вв., наряду с формой *фарыж* (XV в.), источником которого является араб. *faris* («конь»). Первая могла быть усвоена посредством тюркских языков – турецкого или татарского [3, с. 29].

1.3. Из кумыкского языка

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.
(«Лилейной рукой поправляя...»)

(Комментарий: «Слова *капгар* (от турецкого «капкара» – черный) и *туксус* (тюксюз) (по-татарски – безбородый) в контексте сохранившихся строк удовлетворительному толкованию не поддаются» [9, с. 324]. Обоснование кумыкского происхождения слова *капгар* принадлежит А.Л. Мугумовой [10].

2. Варваризмы

Их главным признаком считают то, что они «почти всегда осознаются как чужеродные. От других иностранных усвоений варваризмы отличаются и тем, что имеют «иноязычный облик», резко отличающий их на фоне русских лексических элементов [15, с. 14].

Через немецкий из турецкого, в котором из арабского

И обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины...
Демон (1829–1839) [9; 2, с. 387].

В этимологических и толковых словарях русского языка не отмечено. Восходит к нем. *muezzin*, источником которого могло быть тур. *muezzin* «муэдзин, служитель мечети, призывающий с минарета к молитве». Слово восходит к араб. *mu'azzin* «человек, провозглашающий азан – призыв на молитву [14, с. 21].

Заключение

В культурологическом аспекте восточная лексика рассмотренных поэтических произведений М.Ю. Лермонтова, наряду с творчеством А.С. Пушкина аналогичной тематики, является составной частью русского ориентализма первой половины XX в. В число произведений М.Ю. Лермонтова соответствующей тематики относят поэмы «Черкесы», «Кавказский пленник» (обе 1828), «Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастанджи» (1833–1834), «Хаджи Абрек» (1835), «Демон» (1829–1839), «турецкую» сказку «Ашик-Кериб» (1837) и др. При этом в пределах дихотомии язык/речь было установлено, что на собственно языковом уровне ориентализмы произведений А.С. Пушкина представлены гораздо реже, чем у М.Ю. Лермонтова. К восточной лексике в его произведениях относятся: кум. *тулук* «средство для переправы через бурное течение» («Кавказский пленник» – 1828), азерб.-перс. *сааз* «музыкальный инструмент» («Ашик-Кериб», 1837), перс. – кум. *-ног*. *зурна* «духовой музыкальный инструмент» («Демон», 1828–1838), араб. – кум. *мюрид* «последователь мюридизма» (<Валерик> – 1840), кум. *напах* «головной убор» («Демон», 1828–1838).

Что касается речевого уровня, то в его пределах представлено лишь несколько лексических единиц. В их числе частичные вкрапления из картвельских языков *чинур/чингур* (название музыкального инструмента), получившее отражение в поэме «Демон» (1829–1839), из турецкого или татарского языков араб. *фарис* (название поро-

дистого коня, употребленное в стихотворении «Три пальмы» (1839)), из кумыкского языка – *капгар*, молодой *туксус* в стихотворении «Лилейной рукой поправляя...» (1841). Варваризм *муэчин*, усвоенный через немецкий из турецкого, в котором из арабского *muezzin* «человек, провозглашающий *азан* – призыв на молитву» из поэмы «Демон» (1829–1839).

Литература

1. Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. – Томск: Изд-во Томского университета, 2015. – 347 с.
2. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Экзотические ориентализмы в прозе Пушкинской поры: кавказский контекст и тюркские языки-коммуниканты // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 3. – С. 71–75.
3. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Иноязычная (восточная) лексика в русской поэзии золотого века. – Махачкала: Алеф, 2022. – 39 с.
4. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. А.С. Пушкин и ориентальная лексика абсолютной новизны в истории русского литературного языка конца XIX – середины XX в. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2019. Т. 13, № 3. – С. 45–51.
5. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. И.Г. Добродомов об одном современном «опыте» изучения восточных (турецких) экзотизмов в произведениях русских писателей XIX века о Северном Кавказе. В продолжение темы // Вестник ДГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34, вып. 2. – С. 87–92.
6. Ерусалимский К.Ю. Образы российского ориентализма (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. – С. 161, 378–392.
7. Джсаубаева Ф.И. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе: А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой; опыт словаря. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. – 263 с.
8. Киреева Ю.Н., Казютина Е.С., Сурова М.Н. Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020. № 1. – С. 3, 13.
9. Лермонтов М.Ю. Соч: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2.
10. Мугумова А.Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20–30 гг. XIX века (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): автореф. дис канд. филол. наук. – Махачкала, 2000. – С. 21–22.
11. Ориентализм. – Режим доступа: <https://www.bigenc-ru.Turbopages.org>.
12. Рейтблат А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). – С. 392–400.
13. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. – М.: РОССПЭН, 2019. – 285 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. – М.: Прогресс, 1971. – 829 с.
15. Хохонин Д.Е., Овсянникова К.В. Специфика функционирования варваризмов в русской речи // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2017. Вып. 2 (25). – С. 10–16.

16. Шадури Т.Н. Грузинская лексика в русской литературе первой половины XIX в.: автореф. дисканд. филол. наук. – Тбилиси, 1953. – 23 с.

Поступила в редакцию 29 сентября 2022 г.

UDC 811.161.1/81 373.614

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-63-68

**About Orientalism (Cultural Aspect) and Oriental Vocabulary
(Language/Speech Dichotomy) in Poetic Works by M.Yu. Lermontov**

G.-R.A.-K. Guseinov¹, A.L. Mugumova²

¹ Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; garun48@mail.ru;

² Dagestan State Pedagogical University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Yaragskiy st., 57; garun48@mail.ru

The analyzed material is considered both in the cultural aspect of the concept of orientalism, and in the language sense itself – in relation to the associated dichotomy of language/speech. It was established that the eastern vocabulary of poetic works by M.Yu. Lermontov, along with the work of A. S. Pushkin, related to oriental themes, is an integral part of Russian orientalism in the first half of the 20th century. From the point of view of dichotomy ‘language/speech’, at the language level itself, the orientalisms in the works of M. Yu. Lermontov are presented in a larger number than that of A. S. Pushkin. Within the limits of the speech level only a few partial intersperses are known: Chingur/Chingura – the name of the musical instrument from the Georgian (poem “Demon”), from Turkish or Tartar languages Arabic ‘faris’ – the name of the thoroughbred horse (verse ‘Three Palms’), from the Kumyk language – ‘kapgar’, ‘young tuksus’ (verse. ‘With a lilac hand, correcting ’). Also the study has found the barbarism ‘muetzin’ – man proclaiming a call to prayer – borrowed from Turkish via German, where it came from the Arabic (the poem ‘Demon’).

Keywords: *orientalism, oriental vocabulary, language/speech dichotomy, poetry of M.Yu. Lermontov.*

Received 29 September 2022